

В свете этого чрезвычайно важного положения должна быть пересмотрена вся римская история с точки зрения активного влияния политической надстройки на рабовладельческий способ производства, на рабовладельческую экономику. Здесь особенно важны четыре момента: образование олигархической республики побилей и ее влияние на формирование рабовладельческого способа производства; демократизация политического строя республики во второй половине II в. до н. э. и воздействие, которое оказал этот процесс на усиление эксплуатации провинций и на развитие рабства; изменения, происшедшие в римской рабовладельческой системе в связи с образованием ранней империи (с Цезаря), и, наконец, величайшая роль политической надстройки поздней империи (домината) в развитии крепостнической системы (прикрепление колонов, ремесленников, куриалов и т. д.).

Далее, в курсе римской истории должно быть уделено большое внимание (чего мы, историки-античники, никогда не делали до сих пор) сложным проблемам формирования италийских народностей и поглощения их римской народностью. Должен быть поставлен вопрос о так называемой «романизации» провинций. Историк-античник не может также отмахнуться и от чисто лингвистических вопросов, связанных со всеми этими проблемами.

Наконец, вопрос об «империи Цезаря». Здесь два основных момента. Во-первых, мы должны совершенно четко перестроить нашу периодизацию римской истории, начиная историю империи с Цезаря, а не с Августа. Во-вторых, необходимо в гораздо большей степени, чем мы делали это раньше, подчеркнуть временный, непрочный, военно-административный характер Римской империи, несмотря на то, что она существовала почти пять столетий. В наших работах (в том числе и в книге Н. А. Машкина) до сих пор преувеличивалось хозяйственное единство империи, единый средиземноморский рынок и т. п. Это влияние буржуазных концепций должно быть теперь полностью устранено.

Важные задачи ставит перед историками древнего Рима новейшая работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Прежде всего в учебнике необходимо обратить значительно больше внимания на вопросы экономического развития; в частности важно определить время зарождения товарного производства в Риме, наметить этапы его развития и отчетливо показать отличие товарного производства в древности от его значения при феодализме и особенно при капитализме. Не менее важно изучение на конкретном материале истории древнего Рима вопроса о соответствии рабовладельческих производственных отношений уровню развития производительных сил.

Таковы основные новые моменты, которые должны быть внесены в любой учебник истории Рима — будь это переработка курса Н. А. Машкина или новый учебник — в свете последних работ И. В. Сталина.

Проф. С. И. Ковалев

С. И. КОВАЛЕВ, История Рима, ЛГУ, Л., 1948, 807 стр.¹

Советская наука достигла значительных успехов в области создания учебников по истории античного мира. В учебниках по истории Греции и Рима В. С. Сергеева, учебнике по истории Рима Н. А. Машкина, курсах лекций А. В. Мишулина и А. Г. Бокщанина история древнего мира излагается с позиций марксизма-ленинизма, дается правильное и четкое представление о возникновении, развитии и упадке рабовладельческого общества. Указанными достоинствами обладает также рецензируемая книга, в основу которой положен курс лекций, читаемых С. И. Ковалевым в течение ряда лет студентам Ленинградского университета.

Следует присоединиться к положительной оценке этого труда, которая уже была высказана в советской печати². Автор с правильных методологических позиций сис-

¹ Печатается в порядке обсуждения учебников.

² А. Г. Бокщанин, ВДИ, 1949, № 3, стр. 129—136 и Е. М. Штарман ВДИ, 1952, № 3, стр. 68—77.

тематически и последовательно прослеживает изменения, происходившие в политической и социально-экономической жизни маленького италийского городка, ставшего впоследствии центром крупнейшей державы Средиземноморья. Исследовательская разработка ряда тем удачно сочетается с популярным изложением материала, что облегчает студенту усвоение содержания основных периодов исторического развития Рима на протяжении многих веков его существования.

При ознакомлении с книгой С. П. Ковалева в первую очередь встает вопрос о композиции этого труда. Построение данной работы далеко не шаблонно. Во Введении автор правильно отмечает, что «длительность и сложность римской истории требуют особого внимания к ее периодизации» (стр. 7). С. П. Ковалев считает подразделение Римской истории на два периода — республику и империю — в высшей степени условными, так как «в основу общепринятой периодизации положен не социально-экономический, а надстроечный момент — форма государственной власти» (стр. 8). По предлагаемой автором более дробной периодизации история республики делится на четыре, а история империи — на шесть периодов. Попытка периодизации истории Рима представляет большой интерес. К сожалению, автор не провел предложенной им же периодизации последовательно во всем тексте работы и ограничился лишь Введением (стр. 8).

В книге имеется ряд несомненных композиционных удач. Так, например, в текст главы XIX (стр. 339—346), посвященной первому Сицилийскому восстанию рабов, включен рассказ о восстании Аристоника. Подобное изложение материала значительно более правильно, чем общепринятое, согласно которому восстание Аристоника излагается оторванно от движений рабов и помещается между реформами Тиберия и Гая Гракхов. Представляется также вполне правильным подразделение времени правления Антонинов на две отдельные главы. Автор говорит: «правление первых четырех принцев этой династии (96—161 гг.) является периодом максимальной устойчивости центральной власти» (стр. 566), а «с момента воцарения Марка Аврелия в империи разразился острый и продолжительный кризис» (566). Подобная периодизация безусловно удачна; она четко отражает изменения, которые произошли в жизни римского общества при последних Антонинах. Композиционно правильно и то, что о ранних договорах Рима с Карфагеном, по данным Полибия, сообщается не в связи с Пуническими войнами, а в разделе, посвященном ранней римской республике. Изложение этого материала в главе VII — «Падение царской власти и образование республики» — дает возможность охарактеризовать международное положение Рима того времени, недостаточно известное нам по другим источникам.

Однако, наряду с большими достоинствами, композиция рецензируемой работы вызывает ряд возражений. Не совсем удачным представляется параллельное изложение материала по экономике, политической истории и культуре. В результате, крупные политические и культурные события излагаются в отрыве от экономических условий, их породивших. Так, например, христианство, происхождение которого нельзя отрывать от социально-политических и экономических условий конца республики и начала империи, последовательно излагается лишь в главе XIV (стр. 705—718), после главы «Монархия Диоклетиана и Константина (доминат)». Подобное расположение материала не соответствует указаниям классиков марксизма о социальных корнях христианства; как известно, Ф. Энгельс писал, что христианство, которое возникло в первом веке нашей эры, «...выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»¹. Объединение в одной главе (стр. 512—526) материала по римской культуре конца республики и начала империи также не представляется убедительным. Вследствие такого построения в один раздел попадают Цицерон, Овидий и Ливий, творчество которых отражает различные этапы развития культуры Римского государства.

Общим композиционным недостатком является далеко недостаточное внимание автора к проблематике истории Рима. Это замечание в одинаковой мере относится

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II., стр. 409.

к первой и второй частям книги. Так, например, для ранней империи автор, не ставя никаких узловых вопросов, предпочитает дать последовательное перечисление римских императоров. Глава IV — «Правление дома Юлиев-Клавдиев», — за исключением вводных замечаний по вопросу о наследовании, состоит из параграфов, озаглавленных: «Тиберий», «Калигула», «Клавдий», «Нерон»; глава VI — «Флавиусы» — подразделяется на параграфы: «Веспасиан», «Тит», «Домициан»; глава VII — «Антонины» — построена по тому же принципу: «Нерва», «Траян», «Адриан», «Антонин Пий» и так далее. Подобное построение работы не способствует отделению важного от второстепенного и затрудняет усвоение основных проблем истории Рима.

Недостаточно правильно также распределение материала между экономической и социально-политической историей; последней в работе уделяется непропорционально много внимания в ущерб экономике. Об этом свидетельствует даже самое поверхностное ознакомление с рецензируемой книгой: из 741 страницы текста главам по экономике отведено только 66 страниц. Наличие подобных неувязок в композиции работы С. И. Ковалева позволяет согласиться с мнением Е. М. Штаерман о том, что «задача построения в наших учебных пособиях еще не разрешена до конца»¹.

Далеко недостаточное внимание уделяется в книге истории стран, входивших в соприкосновение с Римом. Так, например, автор ничего не говорит о том, что представляло собой одно из крупнейших государств востока, Парфия. Остаются поэтому непонятными причины борьбы с Парфией, той борьбы, в которой участвовали крупнейшие политические деятели Рима, потрачено было много сил и средств, погибли многие тысячи римских легионеров (достаточно вспомнить хотя бы битву при Каррах), потратили столько сил Нерон и Траян. Между тем, мы первый раз встречаем упоминание о Парфии только в связи с походами Помпея (стр. 430), причем из изложения студент не узнает даже, где была расположена Парфия, каково ее социально-экономическое и политическое устройство. В дальнейшем тексте о Парфии упоминается только в связи с Римом и его походами на Восток. Единственное, что узнает студент о внутреннем устройстве Парфии, это то, что там имелись «далекие восточные оазисы» (стр. 450), в которых изнывали пленники после битвы при Каррах. А ведь необходимо было дать хотя бы краткое представление о монархии Аршакидов, народы которой стояли на различных ступенях социально-экономического развития. Важно было подчеркнуть, что борьба Рима с Парфией велась за торговые пути, за транзитную торговлю. Следовало показать также, что представляла собой Парфия к началу взаимоотношений с Римом, ко II в. до н. э. То же самое нужно сказать относительно Эпира, Македонии и ряда стран Средиземноморского бассейна, об экономике и политическом строе которых студент не получит никакого представления из книги С. И. Ковалева. Например, на стр. 134, где первый раз говорится об Эпире, мы найдем чрезвычайно колоритную характеристику царя Пирра, но ни слова не услышим о той стране, которой он правил.

Весьма существенным недостатком книги является почти полное отсутствие материала о Северном Причерноморье. Наличие нескольких строк о восстании Савмака и о Боспорском царстве, разбросанных в различных местах ни в коем случае не могут восполнить этого пробела. Подобные добавления совершенно необходимы; их можно сделать хотя бы за счет сокращения материала по Пуническим войнам, чересчур насыщенного фактами.

Как говорилось выше, С. И. Ковалев предлагает новую периодизацию истории республики и империи. Соответствует этому принципу и расположение источников, которые дробятся на несколько разделов. С. И. Ковалев, разбивая раздел об источниках эпохи республики по отдельным главам, заранее обрекает себя на повторения и ссылки на ранее высказанные мнения. Поэтому, например, раздел об источниках времени поздней республики состоит преимущественно из различных ссылок. Так, например, такому важному источнику, как Аппиан, посвящена всего одна строчка, причем С. И. Ковалев ссылается здесь на обзор источников, предваряющий предыдущий

¹ Е. М. Штаерман, ВДИ, 1952, № 3, стр. 68.

раздел. Из-за подобного распределения материала студент не получает целостного представления о мировоззрении и значимости Аппиана, как историка гражданских войн. То же самое можно сказать и в отношении Плиния Старшего; на стр. 22 мы узнаем, что он относился к писателям императорской эпохи, на стр. 63 — что «по свидетельству Плиния Старшего, Порсенна навязал римлянам унижительный договор», на стр. 322 сказано, что Плиний Старший «знаменитый римский натуралист I в. н. э.», на стр. 487,— что он является дядей Плиния Младшего. Подобная мозаичность изложения приводит к тому, что читатель получает лишь отрывочные сведения о Плинии Старшем. Нам кажется необходимым поэтому, наряду с упоминаниями об античных авторах в тексте, дать отдельную главу по источниковедению Рима.

Раздел об источниках вызывает ряд возражений и в отношении характеристик тех или иных античных авторов. Вряд ли будет правильно сказать, что у Полибия «впервые сформулирована так называемая „циклическая теория“, которая сыграла большую роль в развитии буржуазной историографии нового времени» (стр. 181). Подобная модернизация взглядов Полибия и сопоставление их с мировоззрением эпохи капитализма являются совершенно неправильными. Не обосновано также чрезмерное превозношение Цезаря, как писателя, и подчеркивание объективности сообщаемых им сведений.

В разделах, посвященных источникам, имеется ряд, можно сказать, «отрицательных характеристик» античных авторов, данных с точки зрения тех качеств, которых эти авторы не имеют. Так, например, мы узнаем о Таците, что он «не обладает даром вскрывать основные причины исторических событий, у него в сущности нет никакой общей исторической концепции» (стр. 485). О Светонии С. И. Ковалев пишет (стр. 314), что он «не в состоянии дать сколько-нибудь полного описания государственной деятельности того или другого императора, не способен к глубоким психологическим характеристикам». Полибию «не чужда идея исторической закономерности» (стр. 180) и т. д.

В этой связи встает еще один вопрос, тесно связанный с источниковедением: отношение автора к цифровым данным, сообщаемым античными авторами. Мы знаем, как осторожно нужно пользоваться этими сведениями, как много в них субъективного. Удивляет поэтому, что С. И. Ковалев без достаточной критики приводит данные о количестве войск, населения, участников того или иного движения, взятые им у Ливия, Полибия, Плутарха и др. На стр. 425 с полным доверием сообщается, что «весной 71 г. в Апулии произошла последняя битва. Рабы сражались с мужеством отчаяния. 60 000 их во главе со Спартаксом пали... Римляне потеряли только 1000 человек». Появление подобных цифр на страницах произведений античных авторов вполне понятно, так как это сообщалось с позиций рабовладельцев, которые хотели преуменьшить число римских войск, погибших от руки восставших рабов. Советского историка, знающего, как героически сражались рабы, с которыми римляне не могли справиться в течение четырех лет, эти сведения не могут удовлетворить. Другой пример: на стр. 276 говорится: «потери Антиоха, включая пленных, превышали 50 000 человек. Римляне потеряли немногим более 300. Такой дешевой победы еще никогда не было у римлян». И эти данные древних авторов вызывают большое сомнение.

Приходится пожалеть, что характеристика нумизматического материала, как источника, дается лишь на 491 стр. книги; только тогда читатель узнает, что «характер чекана монет и процентное содержание в них благородных металлов дает возможность делать выводы об общем состоянии экономики, техники и культуры в ту эпоху, к которой принадлежит данная группа монет». Между тем было бы чрезвычайно полезно дать студенту представление об этом виде источников в самом начале книги; полезно было бы также более полно использовать нумизматический материал для большинства разделов истории Рима.

Существенные возражения вызывают главы, посвященные ранней истории Рима, которые по периодизации С. И. Ковалева охватывают два периода: первый — «так называемый царский период (VIII—VI вв. до н. э.) — период позднеродового строя» и второй — «период аристократической республики патрициев и борьбы

патрициев и плебеев (V — начало III вв. до н. э.) — формирование римского рабовладельческого полиса и завоевание Италии» (стр. 8). Автор вполне правильно ставит вопрос о достоверности ряда событий этих периодов истории Рима (стр. 23), например, легенды о Лукреции, первой сецессии плебеев и т. д. Подвергается критике также рассказ Ливия о первом из семи римских царей — Ромуле (стр. 45 сл.), реформе Сервия Туллия (стр. 59) и др. К сожалению, принцип критического отношения к событиям ранней римской истории проводится автором недостаточно последовательно. В ряде случаев С. И. Ковалев принимает на веру сообщения Ливия. Плутарха и Дионисия Галикарнасского, недостаточно разграничивает легенду и историю. Недостаточно последовательно изложен автором вопрос о царском периоде истории Рима. С. И. Ковалев, отрицая существование первого из семи римских царей — Ромула, допускает историчность шести других. Автор справедливо отмечает, что «... признание историчности римских царей в целом еще не означает, что вся масса легенд, отложившихся вокруг каждого из них, соответствует действительности» (стр. 46). К сожалению, С. И. Ковалев, противореча высказанной им самим точке зрения, излагает легенды об этих царях, не давая их критики и не выделяя того, что он считает наиболее достоверным. Следует пожелать, чтобы в последующем издании автор более четко разграничил легендарный материал от исторического.

В работе С. И. Ковалева не всегда с достаточной полнотой используются указания классиков марксизма и, в частности, работа Ф. Энгельса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Поэтому ряд вопросов не получает достаточно полного и всестороннего освещения. Автор уделяет значительное внимание анализу социального состава раннего римского общества. Этим вопросам посвящена специальная глава «Римская община в царский период». В книге справедливо подчеркивается, что «вопрос о характере и происхождении римских сословий очень сложен» (стр. 51). С. И. Ковалев считает, что «вероятнее всего „патрициями“ первоначально называли тех, которые имели законных отцов и сами, в свою очередь, могли иметь законных сыновей» (стр. 51). Подобное определение совершенно не характеризует социального положения патрициев, о которых Энгельс говорил: «Вошедшее в обычай избрание старейшин всегда из одной и той же семьи каждого рода создало и здесь первую родовую знать; эти семьи назывались патрициями и претендовали на исключительное право вступления в сенат и на право замещать все другие должности»¹. То же относится и к характеристике сословия плебеев. С. И. Ковалев пишет, что «в ранний период это была группа римского населения, стоявшая вне родовой организации патрициев и, следовательно, вне римской общины» (стр. 53). Ниже говорится, что «плебеи не принадлежали к „римскому народу“, не имели доступа к общинной земле (*ager publicus*) и были лишены политических прав» (стр. 55). Определяя сословие плебеев, С. И. Ковалев ничего не говорит о роли завоеваний в образовании плебса, на что так определенно указывал Энгельс: «... население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеванию, возрастало отчасти за счет новых поселенцев, отчасти — за счет населения покоренных, но преимущественно латинских округов» (там же, стр. 132).

Недостаточно полно характеризует С. И. Ковалев и причины, приведшие к реформам Сервия Туллия. «В какой степени в реформе Сервия Туллия можно уловить отзвуки начинающейся сословной борьбы? — спрашивает автор, — В традиции как будто есть намеки на это» (стр. 60). Несколько ниже мы читаем: «кое-какие неясные следы сословной борьбы можно констатировать уже в VI в. (так называемая „реформа Сервия Туллия“)» (стр. 68). Подобная трактовка этих реформ противоречит взгляду Энгельса, считавшего, что «... причина ее (революции, положившей конец древнему родовому строю. — *Е. Г.*) коренилась в борьбе между плебсом и *populus*» (там же, стр. 133). Вообще по вопросу о борьбе сословий в эпоху ранней римской республики в книге не имеется определенной точки зрения. Правда, С. И. Ковалев говорит о го-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 131.

родских и сельских классах (стр. 93), о высших классах римского общества (стр. 94), но ничего не упоминает о классовой борьбе в эпоху раннего Рима. Лишь для более позднего времени затухания сословной борьбы С. И. Ковалев говорит о том, что «антагонизм между свободными и рабами в дальнейшем стал разворачиваться не внутри общины, не между гражданами, но вне ее, между гражданами и рабами-иностранцами» (стр. 91), из чего можно заключить, что в эпоху ранней римской истории антагонизм между свободными и рабами имел место внутри общины. Однако в соответствующих разделах работы нет более четких указаний по этому вопросу.

Большое внимание в книге уделяется характеристикам отдельных деятелей истории Рима. Подобный метод изложения делает его более ярким и красочным, способствует усвоению материала студентами. К сожалению, в ряде случаев С. И. Ковалев, недостаточно критически относясь к источникам, отражает в этих характеристиках симпатии и антипатии античных авторов в ущерб исторической действительности. Это сказывается, например в оценках императоров династии Юлиев-Клавдиев. Чрезмерное увлечение автора описанием быта и семейных отношений того или иного императора, затемняет изложение неизмеримо более важных социально-экономических и политических условий жизни римского общества. Так, например, много внимания уделяется взаимоотношениям Нерона с его матерью Агриппиной, его деятельности, как артиста и т. д. (стр. 541—545), но восточной политике Нерона посвящено всего лишь десять строчек; на стр. 546 сказано весьма бегло, что «успехи были достигнуты в результате нескольких кампаний и длительных мирных переговоров», что ни в коей мере не может отразить той большой роли, которую сыграла в восточной политике в жизни Рима во время Нерона. Жаль, что в книге не нашла отражения борьба Боспора за независимость при Митридате VII.

Ряд возражений вызывает большой раздел (около 120 страниц), посвященный Пуническим (или, как почему-то автор пишет, отступая от общепринятой транскрипции, — Пунийским) войнам. Раздел этот, как было сказано выше, чрезмерно насыщен фактическим материалом, но в нем недостаточно выделены основные этапы борьбы Рима с Карфагеном. В рецензии А. Г. Бокщанина (ВДИ, 1949, № 3, стр. 131) совершенно правильно отмечено, что С. И. Ковалев при общей характеристике истории Пунических войн не приводит ленинской характеристики этих войн как «империалистских». Ряд вопросов истории Пунических войн трактуется у С. И. Ковалева с точки зрения симпатий и антипатий автора (идеализация Ганнибала и др.). При описании различных событий автор иногда придает решающее значение второстепенным моментам. Так, например, мы узнаем о битве при Требии: «самое главное — римляне вступили в бой голодными и продрогшими, тогда как карфагеняне были полны сил» (стр. 229). В разделе о Пунических войнах правильно прослеживается взаимосвязь социальной обстановки в Риме и Карфагене с внешнеполитическими событиями того времени. К сожалению, и в этом случае С. И. Ковалев придает большое значение различным «моральным категориям». Автор упрекает карфагенскую олигархию в том, что после битвы при Эгатских островах «она не склонна была жертвовать своими интересами так, как это сделал римский нобилитет» (стр. 200). Ниже следует весьма «красочная» характеристика олигархической верхушки Карфагена. «Своекорыстная и жадная, она показала на всем протяжении своей истории, что была неспособна к самопожертвованию, что у нее был ограниченный кругозор, что в погоне за незначительными барышами в данную минуту она часто теряла крупные выгоды в будущем» (стр. 200). Вряд ли подобные разговоры о «самопожертвовании» могут помочь в уяснении основных направлений политики Карфагена во время первой Пунической войны. Таких примеров в книге С. И. Ковалева можно привести много. Мало пользы принесет, например, оценка деятельности Филиппа Македонского, который «... оказал Риму большие услуги в борьбе с Антиохом. Поэтому было актом простой благодарности, что римляне позволили ему пожить в Риму за счет Этолийского союза» (разрядка моя.—Е. Г., стр. 281).

Изложение истории империи вызывает значительно меньше возражений. В первую очередь нужно отметить данную автором методологически правильную

характеристику империи, «которая являлась немногим больше, чем конгломератом городов, областей и племен, стоявших на различном экономическом и культурном уровне и объединенных военной диктатурой римских императоров» (стр. 585). Чрезвычайно удачно написана глава, посвященная экономике и социальным отношениям I—II вв. н. э. В этой главе достаточное внимание уделяется технике, ремесленному производству, торговле, развитию ростовщического капитала, городам и городской жизни. Особенное внимание уделяет С. И. Ковалев характеристике сельского хозяйства, которое продолжало оставаться, по справедливому мнению автора, «основой экономики как Италии, так и провинций» (стр. 604), и появлению колоната. Хорошо использованы в этой главе письма Плиния Младшего, являющиеся ценным источником по истории землевладения на рубеже I и II вв. н. э., но вызывает удивление отсутствие упоминаний о широко распространенных законах о колонате (*lex Manciana* и *lex Hadriana*). В данной главе говорится только, что «к эпохе Антонинов императорский домен получил стройную организацию путем издания особых уставов (*leges*)» (стр. 609). В разделе империи хорошо показана тесная связь экономической истории Рима с жизнью «варварской» периферии. Автор справедливо замечает, что в период возникновения и развития рабовладельческой системы периферия «является одной из важнейших предпосылок ее существования» (стр. 614). Напротив, «как только в результате кризиса начинают слабеть военные силы рабовладельческого общества, варвары переходят в наступление» (стр. 614).

В заключение нужно пожелать автору при переиздании своей книги пересмотреть ряд вопросов в свете новых гениальных трудов И. В. Сталина, отчетливее поставить проблему о соотношении базиса и надстройки. Нуждаются в коренном пересмотре вопросы истории раннего Рима и, в частности, происхождения этрусков. Для периодизации истории Рима автору необходимо учесть высказывание И. В. Сталина об империи Цезаря. Переработка основных положений книги в свете новых трудов И. В. Сталина поможет сделать труд С. И. Ковалева «Древний Рим» еще более ценным учебным пособием для советского студенчества.

Е. С. Голубцова

К. М. КОЛОБОВА, Из истории ранне-греческого общества (О. Родос IX—VII вв. до н. э.), Изд. ЛГУ, 1951, 338 стр., тираж 3000 экз., цена 18 руб.

Рецензируемая книга посвящена теме безусловно актуальной и интересной. Автором очень широко, если не исчерпывающе, использованы все основные, относящиеся к ней источники: и античная литературная традиция, и эпиграфические тексты, и материалы археологии. Так же полно использована и вся доступная автору литература вопроса. В круг привлеченных источников и литературы вошел не только материал, имеющий прямое отношение к истории древнего Родоса, но и по смежным вопросам. В использовании всего этого материала, особенно эпиграфического, автор нередко обнаруживает высокий уровень специальных знаний и исследовательских навыков.

Достоинства книги советского ученого, однако, определяются не только характером и широтой использованного в ней материала и уровнем специальных знаний автора, но прежде всего ее методологией: последовательным проведением принципа большевистской партийности в науке и идейной насыщенностью содержания. В данном конкретном случае при оценке книги К. М. Колобовой нельзя не принять во внимание еще некоторых особых обстоятельств. Книга эта в основном посвящена периоду, находящемуся на грани между крито-микенской эпохой и наиболее ранним этапом исторического развития собственно Греции. В нашей историографии этому периоду было уделено сравнительно меньше внимания, чем другим периодам античности. Разработка фактического материала почти целиком осуществлена буржуазными учеными, для которых весь этот период, как и вообще вся античность, издавна стали одним

из наиболее излюбленных объектов для всякого рода модернизаторских построений. С другой стороны, трактовка именно этого примыкающего к крито-микенской эпохе периода в сравнительно еще очень недавнем прошлом была объектом немарксистских и идеалистических построений Н. Я. Марра. Средиземноморские лингвистические параллели и использование материала античной мифологии играют весьма видную роль в так называемом палеонтологическом, четырехэлементном анализе Н. Я. Марра. По тому же пути, очень часто вступая в вопиющие противоречия с фактами, пошли и ученики Н. Я. Марра, к числу которых до самого последнего времени причислял себя и автор рецензируемой книги.

Из всего этого вытекает, что перед автором книги стояла двоякого рода задача. С одной стороны, ему предстояло критически разобраться в работах буржуазных ученых; с другой, — уберечь свою книгу от порочного влияния тех самых немарксистских построений, за которыми он сам еще недавно следовал. Успех или неудача автора в разрешении этой главной задачи предreshают общую оценку всей книги. Достигнуть положительных результатов можно было только путем большевистской принципиальной критики и самокритики, т. е. путем раскрытия прежних ошибок в трактовке общих вопросов этой темы и пересмотра всех проблем в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

С этой точки зрения при первом же знакомстве с книгой обращает на себя внимание полное отсутствие каких бы то ни было упоминаний о гениальном труде И. В. Сталина. Если бы не дата на обложке, читатель не мог бы определить, вышла ли книга К. М. Колобовой до или после опубликования труда И. В. Сталина. Создается впечатление, что эта книга, для которой решающее значение имеет правильный взгляд на проблемы этногенеза, ассимиляции и формирования греческой народности, осталась совершенно в стороне от того общего подъема, какой был вызван в советской науке появлением классического труда И. В. Сталина.

Впечатление это еще более усиливается при более близком ознакомлении с содержанием книги. Автор обращает основное внимание на три вопроса: 1) микенский Родос; 2) Родос архаической эпохи и роль его родовых организаций; 3) родосская колонизация на фоне греческой колонизации VIII—VII вв. до н. э. Каждому из этих вопросов в книге отводится по особой главе. Для характеристики общей концепции автора наиболее интересна первая глава, поскольку в ней затрагивается принципиально важная проблема о конце крито-микенского периода и начале греческого. Следует напомнить, что в этом вопросе до недавнего времени существовали две противоположные точки зрения. Точка зрения Б. Л. Богаевского была развита на основе порочных положений Н. Я. Марра. Не считаясь с фактами, игнорируя уровень развития крито-микенской культуры, интенсивность и широту ее распространения, существование письменности и т. д., Б. Л. Богаевский утверждал, что крито-микенское общество даже в пору наивысшего его расцвета не изжило первобытно-общинного строя, не дошло до классовой структуры и государства. Мы встречаемся здесь, таким образом, с типичным для последователей Н. Я. Марра стремлением искусственно снизить уровень развития крито-микенского общества, стремлением ценой любых натяжек его архаизировать. Это нужно было для того, чтобы обосновать порочную теорию Марра о так называемом «стадиальном» возникновении греков; изобразить конец крито-микенской эпохи и наступление нового периода, как последовательное стадиальное переформливание носителей крито-микенской культуры в греков. Отсюда отрицание какой-либо роли за процессами миграций, в частности и отрицание дорийского завоевания. На этой точке зрения раньше целиком стояла и К. М. Колобова.

Вторая точка зрения — подлинно историческая. Согласно этой точке зрения, на Крите в пору его расцвета уже существовало примитивно-рабовладельческое государство. Согласно этой точке зрения, учитывающей данные по расшифровке крито-микенской письменности, древние критяне и греки представляли собой различные народности, говорившие на различных языках и стоявшие на различных ступенях социально-экономического развития. Победа греков и полное исчезновение носителей крито-микенской культуры скорее всего сопровождалась появлением новых племен-